

УДК 94(470)

Ярков Александр Павлович,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета,
ayarkov@rambler.ru

Мусульмане Западной Сибири: сословный аспект

Аннотация: Рассматривая особенности распространения «табели о рангах» в различных регионах Сибири, необходимо обратить внимание на специфику организации мусульманских сообществ. Так, этническая элита, приняв присягу, поменяла лишь правителя, оставшись на прежних статусных ролях. При этом, конечно, иногда не удавалось сохранить прежнего экономического статуса: иные поволжско-приуральские мурзы, прибыв в Сибирь на постоянное жительство, числились (согласно законодательству) дворянами, но занимались крестьянством. Получившие хорошее образование в медресе, но оказавшись «без места», имамы (особенно в степных регионах Западно-Сибирского края) занимали места учителей не только в мектебе, но и в «русско-туземных» школах. В районах «первичного мусульманского освоения», например, в Горном Алтае, переход в «оседые инородцы» был условен в силу специфики природно-климатических особенностей и личных (родовых, семейных) обстоятельств.

Таким образом, можно констатировать: официальная статистика расходилась с реальным положением дел на местах, но это не слишком беспокоило индивидов, погруженных в систему традиционного общества, где личное осознание статуса важнее общепризнанных норм.

Ключевые слова: ислам, Западная Сибирь, умма, дифференциация.

Любая религиозная система подвижна в интерпретации догматических положений, ритуалах и обрядах. Реформаторство по-мусульмански предполагало приспособление части уммы к реалиям современной жизни через адаптацию нововведений: культурных, экономических, политических, как и стандартов поведения. Для другой части уммы важнее – возвращение к основам веры и общественному устройству первых веков ислама [1, с. 128]. Третья часть, в основном социально активные горожане, и менее зависимые от природной среды (сельчане всегда жили на границе природного и социального), имели иные ментальность и установки – по отношению к исламским традициям и ритуалам (но не ценностям). Атеизм еще не стал убеждением даже малой части мусульман по происхождению, не тенденции к свободомыслию и критическому отношению к некоторым традициям наметились.

Внутриполитические проблемы в крае осложнялись тем, что отсюда продолжилось продвижение России на восток и юг Азии. И если раньше царская власть стремилась выстроить отношения с азиатскими регионами на уровне политических контактов с правителями, то в конце XVIII в. актуальными для реализации стратегической цели оказались внутрорегиональные, локальные проблемы, а в качестве контрапартнера – не только местные правители, но и сам социум.

Очевидно: геополитические задачи имели иную тактику их решения – не столько завоевания (хотя и оно присутствовало), сколько добровольное присоединение территорий с лояльно настроенным населением, дабы в контактах с государством (в т. ч. через чиновников, знавших язык и лояльных к их культуре) и православными (преимущественно русскими) выработывалась взаимовыгодная система альянса интересов, ведущая в последующем к *диалоговому* мышлению и поведению (хотя это и не позиционировалось).

Политика была направлена, отметим, как на ускоренную интеграцию этого региона с Центральной Россией, так и искоренение родоплеменных отношений, преодоление (избавление от) архаичных традиций, квалифицированных как проявление «культурной отсталости». При этом отношение властей к мусульманам отличалось протекционизмом: «...в исламе видели консервативную наднациональную силу, отвлекающую народы от национального сепаратизма» [2, с. 136].

С 1789 г. укрепилось единство российской уммы вследствие создания нового социального института (в границах исламской реформации по-русски) – ОМДС. Подобное «ведомство мусульманского вероисповедания» не предусмотрено канонами, но принято верующими. При этом жившие в Степи мусульмане руководствовались «низшими» муллами «под надзором и контролем» администрации [3, с. 24].

ОМДС не контролировало нравственность и порядок исполнения обрядов и молитв, но обеспечивало контроль за служителями культа. Оно же вытеснило из религиозной практики людей, не имеющих официальной санкции, в т. ч. иностранных проповедников. Эти же меры привели к исчезновению института шейхов (осталась лишь память о них).

Благодаря общему пространству (в котором Поволжье и Приуралье утвердились как его центры) расширялись и познания мусульман страны об особенностях функционирования ислама в разных регионах, их святынях, которые не объявлялись *бида* (ересью). При этом ислам постепенно обогащался региональными особенностями, которые не противоречили ни общечеловеческим ценностям, ни сложившимся моральным установкам и представлением об окружающем мире сибиряков.

Они, в свою очередь, нуждались в разъяснении поволжских 'алимов (улемов), например, в вопросе об обязательности вечерней молитвы при короткой летней ночи. Расположение в одних широтах со Средним Поволжьем дало основание для применения в Среднем Прииртышье разъяснений Иш-

Нийза бен Шир-Нийза ал-Хваризми, Ш. Марджани и др.

«Хорошие» нововведения («бидгать хасана») не противоречили Корану и Сунне. Подтверждает это, полагаем, включение в перечень почитаемых российскими мусульманами святынь «гробницы Ак-Ходжи в Тобольске» (вероятно, Искера) в рукописи «Тарих Нама-йи Булгар», составленной в Поволжье в 1805 г. Тадж ад-Дином Ялчигуль-оглы (Т. Ялыгуловым) [4, с. 33].

В 1822 г. принято несколько директивных документов, изменивших структуру внутреннего управления в крае и постепенно само отношение православных сибиряков к иноверцам. Впрочем, стоит обратить внимание, что часть православных уже тогда считала допустимым жить без духовного окормления, в течение нескольких лет не являясь на исповедь и причастие. В 1800 г. в Тюмени и Тюменском уезде таких выявлено 797 чел. Хотя православие для них – безальтернативный (принудительный) выбор, это отражало процесс секуляризации общества, охвативший первоначально элиту, а затем и другие сословия.

Деление на более и менее исламизированные субрайоны оправданно: в городских условиях достижение привычного социального порядка проблематичнее, нежели при сельском (клановом / племенном / фратриевом) устройстве, но и там не повсеместно существовали суфийские братства (тарикаты).

Новые времена требовали иного разрешения проблем общественного бытия уже и в пространстве городов, часть населения которых шла в авангарде модернизационных процессов, хотя большинство жителей осталось в рамках традиционализма. Только в 1780-х гг. в Сибири насчитывалось 36 городов, где по данным IV ревизии проживало около 60 тыс. мужчин (11 % мужского населения), из них свыше 20 тыс. – в Тобольске, свыше 5 тыс. – в Томске. Там снижалось количество военно-служилого населения, но росло число купечества, гражданских служащих и ремесленников, в т. ч. не православных, расширялась сфера применения их знаний и сил.

Тогда почти всю торговлю с Центральной Азией обеспечили мусульмане-тюрки, эффективно распоряжаясь конфессиональным и языковым преимуществами. С их же участием в городах выстраивалась многообразная система дискурсивной практики, включая языковую (например, билингвизм, манифестация различий – в т. ч. через использование прозвищ, характеристик) и внеречевую – через ситуационное (бытовое, повседневное) поведение, предпочтений (или их игнорирование) в расселении, профессиональных и социальных контактах.

«Центральная» зона городской культуры заимела в арсенале мощные механизмы саморазвития, но, разумно подчиняясь «правилам игры», социально активное население с целью сохранения общегражданского мира и согласия учитывало особенности, находя *свои* «ниши». При центробежности интересов: профессиональных, конфессиональных, групповых и личных (в иных случаях через различие) проступала общность устремлений к

толерантности. Об условиях промыслового хозяйства П. М. Головачев заметил: «Суровая природа и занятие звероловством выработали в коренном сибиряке находчивость, практичность, упорство; незнакомство с крепостным правом развило самостоятельность и стремление к равенству; соседство с инородцами, постоянное общение с ними привило ему спокойное, терпимое отношение ко всякой вере» [5, с. 56].

Взаимодействие с иноверцами – фактор формирования местной идентичности. Преодолевая изоляционизм и инерцию традиций, постепенно формировалось *диалоговое* отношение – от оценки *чужого*: уклада хозяйства и быта, правил социального поведения, смысла и ценностей культуры – к совместному поиску разрешения проблем бытия. Местная специфика в том, что *диалог* выстраивался не только по вертикали или горизонтали – из-за минимального числа дворян и большого числа иноверцев.

Согласно «Жалованной грамоте» (1785) в каждой местности избирался распорядительный орган – общая Дума, состоявшая из городского головы и гласных от всех шести групп населения, обязанных собираться раз в три года (исключая экстренные случаи). В Сибири важна эта грамота не столько как свод сословных привилегий, сколько как разрешение на введение основ самоуправления.

К 1790-м гг. общегородские Думы организованы в Тобольске, Томске, Тюмени, Таре, Нарыме, Омске, Каинске, призванные формулировать правила жительства, учитывая «полифонию» интересов групп. В Тарскую общую Думу в 1789 г. вошли по депутату от православного духовенства, военных и штатских чиновников, казаков, ямщиков и, отметим особо – от ясачных татар, бухарцев, а также по два – от купцов, мещан, государственных крестьян, цеховых (позднее – по шесть ремесленных старшин от каждого цеха) [6, с. 415].

Призванные отразить ценностные и мировоззренческие особенности, социальные пожелания делегировавших их групп, обеспечивая общегородские потребности, контактеры выстраивали через коммуникации городское *диалоговое* поле, не боясь утраты самобытности.

Впрочем, обстоятельства определяли и условия, в которых *диалог* шел и вне городской среды. Отбывавший в 1806–1807 гг. ссылку в Тобольске, но бывавший на Сибирской линии Н. Я. Бичурин (Иакинф) повстречал немало приезжих из Центральной Азии («тюркестанских») мулл, в беседах с которыми удивлялся: «...без понятия о грамматических склонениях и спряжениях, хорошо знают свою страну и в древнем и нынешнем состоянии, и судят о некоторых вещах довольно основательно, а только не могут от подлинных ... происшествий отделить религиозные вымыслы и повести несбыточные» [7, с. 190].

В отличие от местного православного духовенства он имел преимущества: знал тюркские языки и традиции (как чуваш), имел хорошее образование (Казанскую духовную семинарию), опыт миссионерской работы, относительно независим от местного архиерея (ранее имел равный с ним сан).

И поэтому общение Бичурина с тюрками менее предвзято, хотя он являлся убежденным (однозначно!) в преимуществе православия.

Чем вызвано появление у российских пределов мулл? Полагаем – желанием «самим прокормиться, а других – окормлять»: купцов и ремесленников, собиравшихся у приграничных укреплений на торжках и ярмарках. Третья составная – стремление повысить социальный статус.

Касаясь «исламского элемента» в казачестве в контексте сословной принадлежности, заметим: власть по-прежнему использовала этот ресурс политической стабильности в мусульманской среде, поддерживая рядовых льготами, а элиту – преференциями. Место их «головы 2-го класса» до 1791 г. занимал представитель известной династии Кульмаметьевых – Исмагулла Авазбакеев, утвержденный в должности еще губернатором Д. И. Чичериным [8, с. 118]. В силу статуса и контактов с властными структурами династия сформировала и особое отношение к себе как соплеменников, так и иноверцев.

К 1808 г. на Сибирских линиях служило 6 117 казаков. Принятый в том году указ завершил процесс формирования Сибирского линейного казачьего войска, а сами казаки обращены в замкнутое сословие с воспрещением выхода из него. Казаки состояли с 17 лет и, как ранее – «доколе был в силах» на постоянной службе в составе команд, чередуясь в исполнении службы на границе, «отодвигавшаяся» от места проживания семей. Тем и отличались от линейных казаков городские, среди которых служили и татары: в 1816 г. в тобольской казачьей команде насчитывалось по 1 офицеру и старшине, 71 казак и 61 детей казачьих, а в томской – 1 старшина, 19 казаков, 20 казачьих детей и 14 отставных и не служивших [9, с. 79, 197]. Всего же в 1816 г. в Тобольском уезде учтен 721 служилый татарин, включая отставников и детей.

Стремилась стать казаками иные из оседавших казахов, хотя в большинстве случаев между казаками и русскими казаками, особенно на Бийской линии, существовали напряженные отношения [10, с. 233]. Живя уже в казачьих или смешанных селениях, сменив сословную принадлежность, казахи лишь внешне принимали православие, русские имена и фамилии. Иные втайне исповедали ислам, а оседлая жизнь их весьма тяготила. Существование «скрытых» мусульман и «язычников» насторожило РПЦ, стремившихся их обнаружить с помощью священников. С этой целью осуществлялись постоянные поездки по епархии (куда до 1834 г. входили не только Тобольская, но и Томская губернии, Омская область Степного края). Приходилось считаться и с настроениями неопитов: «Учитывая желанья татарина Кашегальской волости Мавлюка Яртлубаева отказать от решения Консистории от 14 декабря 1834 г. о его святом крещении и желанья его быть татаринном, оставить его, не крещенным и никакого принуждения к его крещению не предпринимать [11].

На территории Тобольской губернии в 1822 г. проживало «мужеска пола русских 248 478, инородных 30 466», а на территории Томской – 106 663 «русских» и 34 493 «инородных». К «русским», отметим, отнесли всех

православных, в т. ч. старообрядцев, а также неофитов, в культурно-бытовом отношении не дистанцировавшихся от мусульман-сородичей и, более того, тайно поддерживавших с ними связи.

Особо отметим, что волости Бухарская и Оброчных чувальщиков (г. Тобольск) представляли лишь административные, а не территориальные единицы. В их подчинении находились все бухарцы и оброчные чувальщики, независимо от того, в каком селении жили. Бухарские волости включали в 1834 г. бухарцев в округах: Тобольском – 49, Тюменском – 13, Тарском – 14 [12, с. 210–211].

Выделение бухарцев в отдельные волости, не совпадающие с ареалом расселения – прием организации управления явно несхожими (но внутри устойчивыми по культурно-психологическим особенностям) с татарами (казанскими и сибирскими), башкирами и казаками, хотя и единоверцами. Кроме того, иные бухарцы часто и надолго отправлялись по торговым делам за границы России.

Локальная группа сибирских башкир продолжала находиться в изолированном состоянии от основного этнического массива, а причисление их в Сингульскую татарскую волость привело к смешению с другими тюрками и, в конечном итоге, этнооформлению в ялutorовских татар, т. е. ислам способствовал не только пластичности категории идентичности, но «выравниванию» запросов «принимающей» стороны и потребностей *других*, ставших *своими*. Внутри этой группы формировалась интегративная идея – идентификация себя как со *старой*, так и с *новой* культурой, рождая «пограничье». И здесь справедливо замечание А. В. Ремнева: «... "пограничье" – это не периферия (или не только периферия), импульсы сюда идут не из единого центра, а сама граница может стать сгустком разного рода трансакций. В реальности можем обнаружить своеобразное "гибридное общество", в котором "сопротивление" и "лояльность", чувство "отчужденности" и "принадлежности" сосуществуют и переплетаются, проявляясь ситуационно, складываются парадоксальные отношения любви и ненависти...» [13, с. 170].

Действительно, вскоре после присоединения (в ходе войны с Персией) в Сибири и, особенно, в приграничье появились уроженцы Северного Кавказа (тюрки, иранцы, вайнахи) и, замечено, на них падали подозрения в разжигании вражды к иноверцам. И это небезосновательное суждение, если принять во внимание объявленный на Кавказе газават, отличительные (от сибирских мусульман) иные ментально-психологические установки, исторические обиды (реальные и мнимые), поддерживаемый воспитанием в некоторых районах с детства в мальчиках фанатизм и абречество, где: «...эксплуатируя религиозное невежество киргиз, в то же время распространяя среди них устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султানে, как могущественном во всем мире государе, при этом восхваляют турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа.

Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над «неверными» [14, с. 160].

Да и сопротивляемость атеизму у мусульман Кавказа всегда энергичней и глубже. Немногие из тех новоселов ассимилировались (иногда даже переходя в православие), а после отбытия наказания (выжившие, а не акклиматизировавшиеся в непривычных природных условиях) предпочли вернуться в места исхода. А вот на оседание выходцев из Поволжья в Приобье (Ордынская волость) оказала возможность заняться перевозкой хлеба и соли, хотя основная часть их земляков пребывала в сословии крестьян.

Менее «проблемными» оказались оброчные чувальщики, вошедшие в состав *оседлых инородцев*, а в 1839 г. в волости Оброчных чувальщиков жило 709 чел. Некоторые достаточно подготовлены для должности имамов, соответственно, изменив свой статус: в 1836 г. А.-Г. Тимербулатов из ю. Новоаптулинских допущен без освидетельствования». Впрочем, служителями культа были не только образованные, нравственные, но и, случалось, малограмотные, беспринципные. В течение столетий в фольклоре отражались антиклерикальные настроения. Не случайно жадность и другие пороки мулл бичевались в пословицах и поговорках: «По-книжному говорит, не по Книге (имеется в виду Коран) живет»; «Не грешит, когда молится, а не молится – забывает Аллаха» и др. [15, с. 96].

Полагаем, что центральная и местная власти реалистичнее, чем раньше, оценивали религиозные, сословные и этнические особенности, хотя в современном Казахстане существует иное мнение о событиях XIX в.: «...царская администрация не считалась с местными факторами, рассчитывая, в конечном счете, на силовую тактику в реализации поставленных задач» [16, с. 13]. Между тем даже военно-рекогносцировочные отряды и научные экспедиции, отправлявшиеся из сибирских форпостов России, выясняли: чем отличались по местным особенностям исламские обычаи и ритуалы; насколько они «вплетены» в тамошнее политическое устройство и традиции; какой исторический опыт сосуществования с *другим* имело население того или иного региона.

Список литературы

1. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Татарстан. Информ.-аналитические материалы / под ред. Р. Н. Валиуллина. – Казань, 2010.
2. Козулин В. Н. О некоторых особенностях формирования в России образа ислама и мусульманина // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2006.
3. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М., 2004.
4. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М., 2009.

5. Головачев П. Сибирь // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России / под ред. проф. Д. Н. Анучина. – Т. 1. – М., 1912.

6. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. – Т. 1. – Новосибирск, 2009.

7. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Ради вечной славы: поэзия: ст., очерки, заметки, письма. – Чебоксары, 1991.

8. Тычинских З. А. Служилые казаки Кульмаметьевы в XVIII в. // Сибирские татары: материалы I сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск, 1998.

9. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск, 1980.

10. Каженова Г. Т. Язык как отражение этнокультурных контактов казахов и сибирских казаков Степного края (XIX – начало XX веков) // Казахи России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: [в 2 т.]. – Т. 1. – Омск, 2010.

11. Жигунова М. А., Золотова Т. Н. О некоторых этнокультурных параллелях русских и тюркских народов в обрядовой сфере // Тюркские народы: материалы V сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2002.

12. Большая тюменская энциклопедия: [в 3 т.]. – Т. 1. – Тюмень, 2004.

13. Ремнев А. В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. – 2011. – № 1.

14. Лысенко Ю. А. Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века): материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2006.

15. Ниязова Х. Н. Генеративная роль фольклора в становлении культуры сибирских татар: дисс. ... канд. культурологии. – Нижневартовск, 2009.

16. Айтмагамбетов Д. Р. Влияние казачества на социально-экономические отношения в Акмолинской области во второй половине XIX в. // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. С. Карабулатовой и В. Н. Евсеева. – Тюмень, 2009.